

ГОВОРИТЬ О СЕБЕ: К ВОПРОСУ ОБ УТВЕРЖДЕНИИ И УМАЛЧИВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОВОРЯЩЕГО*

Т.В. ЗБОРОВСКАЯ

Оно существует, скажем, в качестве бытия, которое не есть то, чем оно является, и есть то, чем оно не является. Оно существует, поскольку, какими бы ни были подводные камни, которые возникают, чтобы заставить его сесть на мель, проект искренности по крайней мере мыслим... Оно есть, поскольку оно появляется в условии, которое оно не выбирало.

Жан-Поль Сартр. Бытие и ничто

Само понятие «транссексуальный переход» для меня весьма неоднозначно из-за того, что оно является частью дискурса, построенного на двоичности гендера, а это как раз то, с чем мне некомфортно существовать.

Лана Вачовски

На наших глазах современное общество становится все более разнообразным — вернее, все явственнее проявляет свое многообразие, обращаясь к различным группам меньшинств и стремясь интегрировать их в структуру общества. Защита основных прав и свобод человека, движение за права чернокожих, политика мультикультурализма, инклюзивное образование и движение за права людей с ограниченными возможностями, наконец, движение за права сексуальных и гендерных меньшинств ставят целью показать, что каждый член общества имеет право на собственную идентичность, равноценную с идентичностью остальных его членов, в каком бы отношении эта идентичность не определялась: расовом, этническом, культурном, религиозном, гендерном и далее. На протяжении последних ста лет все более заметным — вначале как объект изучения и исследования этнографии и медицинских наук, затем, по мере депатологизации, и как полноценный член общества — становится человек, который, оказавшись зажатым между двумя полюсами господствующей в западных обществах гетеронормативной модели, полюсом мужским и полюсом женским, вынужден выбрать одну из этих двух категорий и постараться вписаться в нее. Для этого у него есть несколько способов: либо развивать недостающие качества и подавлять в себе те, что не сочетаются со сложившимся в массовом сознании идеальным образом, либо выйти за пределы общепринятой модели и на свой страх

* С основными идеями, изложенными в этой статье, автор выступила на конференции «Ситуация выбора человека в современном трансформирующемся обществе» (Институт философии РАН), обзор которой мы даем в этом номере журнала (см. С. 141).

и риск пойти путем, отличным от протоптанных другими членами общества дорожек: выбрать третье, иное, нечто среднее, отказаться от обоих ярлыков сразу, поставить под вопрос структуру общества и в более широком смысле — картину мира того социума, в котором существует. Мы остановим внимание именно на том, как в общении с другими утверждает свою идентичность человек, который в ситуации, где доминирует представление о «природной двойственности» пола (в кавычках, так как в действительности природа предполагает редкое, но неизменно стабильное существование иных вариантов) и вытекающей из нее двойственности психологического пола (гендера), определяет себя за рамками традиционных категорий «мужского» и «женского» как трансгендер.

Насколько нам известно, эта тема не рассматривалась наукой в подобном преломлении, однако в последнее время к вопросу идентичности человека все чаще обращаются через междисциплинарный подход. Нам представляется, что (само-) определение человека в социуме можно в значительной степени изучить сквозь призму языковой картины мира членов конкретного общества, находящихся по разные стороны некоторой важной стереотипной черты в массовом сознании. Отечественная школа психолингвистики и в частности разрабатываемое в ней упорядочение языковой картины мира в ходе свободных и несвободных ассоциативных экспериментов, результаты которых находят отражение в Русском ассоциативном словаре, предоставляют уникальную возможность напрямую выявить социокультурные корреляты в сознании человека. В соприкосновении с традиционным описательным языкознанием, которое фиксирует степень детерминированности языков по роду, представляется возможным пролить свет на то, как существование индивида в условиях определенной языковой среды может влиять на его психологический и социальный статус.

Меньшинство, по определению Луиса Вирта, есть «группа людей, выделяющихся в обществе своими физическими или культурными свойствами, из-за которых они испытывают ущемление и неравенство, и которые, таким образом, определяют себя как предмет коллективной дискриминации»¹. Качества личности, по которым тот или иной член общества идентифицирует себя, уже присущи ему как данность: себя не выбирают; и он определяет себя, соотнося себя с другими в своей человеческой реальности. Он может лишь выбирать, какие качества будут выходить в его идентичности на первый план, а какие — на второй, и какая часть его идентичности будет публичной, а какая останется глубоко личной. Открытые проявления дискриминации же чаще всего начинаются с нарушения общения, с формирования негативных, отчуждающих установок, с открытых словесных обид. Таким образом, в противовес риторике ненависти

начинает складываться понятие политической корректности как инклюзивного, или нейтрального, языка (*inclusive/neutral language*)². Нейтральный язык вбирает в себя различные проявления человеческой личности, поскольку не позволяет говорящему эксплицитно выражать в речи категоризацию мира, существующую в его языковом сознании, и переносит акцент с идентичности человека на его функцию, не позволяя таким образом исключать из общества лиц по их характеристикам или как-либо выделять их из общего числа, исходя из неких признаков или свойств личности. Эта коммуникативная установка основывается на гипотезе Сепира-Уорфа, согласно которой категории языка, существующие в сознании человека, определяют понятия и действия говорящего. Психолингвистика, исследуя связь языка и мышления и разработав понятие языковой картины мира, дает возможность рассмотреть как лингвистический инструментарий, обеспечивающий воспроизведение и передачу существующих категорий, норм и ценностей в обществе, делает позиционирование себя как носителя нестандартной гендерной идентичности затруднительным, подчас невозможным. Во многих случаях найденные языковые средства остаются на уровне новояза, изобретаемого локально самим человеком, не вписывающимся в установленные рамки, и не находят массового употребления.

Неизбежно первым шагом на пути к тому, чтобы сделать свою идентичность публичной, чтобы общество приняло ее, несмотря на то, что та является для большинства его членов нестандартной, новой (хотя новое здесь, если оглянуться назад, окажется лишь успешно замалчиваемым старым), становится необходимость найти подходящие слова, чтобы заявить о себе. Ввиду малочисленности данной группы и того, что каждый из этих людей оказывается заброшенным в свою специфическую культурную и лингвистическую ситуацию, трудно выделить некую общую стратегию позиционирования себя по отношению к собеседнику. Человек, если только он не несчастливый носитель языка, в котором нет дифференциации по роду (например, финского, осетинского, венгерского и др. — нельзя исключать в них такие лексемы, которые по своей семантике подразумевают родовую дифференциацию, как то «мать», «отец» и т.д., однако таких случаев все же существенно меньше) оказывается перед достаточно непростым языковым выбором. Категория рода является грамматическим выражением смы (смысловой единицы) гендерной идентичности в системе языка, и ее наличие характерно для большинства индоевропейских и семитских языков. Как правило, существительные — как имена собственные, так и нарицательные, — различаясь между собой по роду, образуют пласт первичной гендерно маркированной номинации. Вторичная номинация (местоимения, числительные) и согласуемые с существительным части речи (прилагательное, при-

частье, глагол) поэтому также становятся гендерно маркированными. Более того, контекст также в состоянии косвенно выражать гендерную идентификацию человека. Все это создает большие трудности для говорящего при попытке придать себе новую идентичность или обозначить свое отличие от существующих в массовом сознании категорий в перформативном акте говорения.

Одной из наиболее распространенных коммуникативных стратегий — и одной из первых, к которым прибегает человек, чувствуя свое несоответствие прежней категории, к которой он был причислен автоматически, но еще (или уже) не найдя себя в иной, — является поиск нейтрального языка, который позволял бы по крайней мере избежать необходимости определиться здесь и сейчас в рамках заданной бинарности. Однако предварительно проведенное нами исследование показывает, что человек с опытом жизни с трансгендерной идентичностью ощущает наличие этой «лакуны», предоставляемой нейтральным языком, как признак типичной проблемной ситуации. Трудности, которые испытывает коммуникант в такой ситуации, находят свое отражение в результатах, полученных на основании ответов трансгендерных респондентов на вопросы методики диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда: показатели, связанные с раскрытием себя перед окружающими, заметно отклоняются от нормы в сторону недостаточной социализации респондентов. В качестве примера можно привести усредненные ответы на отдельные вопросы теста. Респондентам предлагается оценить по шкале от 0 («это ко мне совершенно не относится») до 6 («это точно про меня»), насколько соответствует приведенное высказывание текущему состоянию отвечающего. Так, к примеру, по вопросу № 2 («Нет желания раскрываться перед другими») 25% трансгендерных респондентов указали, что это в полной мере соответствует их состоянию (6 баллов). На вопрос № 50 («Довольно трудно быть самим собой») в общей сложности 62,5% опрошенных отметили, что наблюдают это в своей жизни: 37,5% опрошенных дали ответ «это на меня похоже» и по 12,5% — «это точно про меня» и «это похоже на меня, но нет уверенности».

В то же время возможность прибегнуть к использованию инклюзивного языка рассматривается как поиск выхода из неловкого положения, где нет возможности ни обозначить свою идентичность такой, как она есть, ни согласиться со своей прежней, ложно присвоенной идентичностью. Эта гипотеза подтверждается тем, что на шкале эскапизма той же методики показатели трансгендерной группы респондентов (группы 1) в большинстве случаев приближаются к верхнему порогу нормы (37,5% всех ответов) или превышают его (25% ответов).

В ходе исследования двум группам респондентов — трансгендерной (1) и цисгендерной³ (2) — были предложены описания ситуаций

общения, в которых гендерная идентичность одного из собеседников оставалась бы неясной на протяжении всего разговора; в нескольких фрагментах было указано, что один из участников беседы — трансгендер. По сравнению с контрольной группой цисгендерных участников эксперимента респонденты-трансгендеры, основываясь на личном опыте, в среднем в 4 раза чаще характеризовали подобные ситуации общения как проблемные. Прежде всего ими было отмечены дискомфортное положение коммуниканта, чья гендерная идентичность оставалась скрытой, в ситуации общения и затруднения в общении, проявляющиеся через его поведение (85 отметок трансгендерных респондентов против 19 отметок контрольной группы). Затем следовали ремарки, в которых подчеркивалось неоднозначное поведение собеседников и их влияние на ход беседы (44 отметки против 6). Коммуникативные и психологические сложности, которые в целом создает возникновение таких ситуаций, были озвучены трансгендерными респондентами 51 раз, а контрольной группой — только 11 раз.

Возможность выбрать гендерно нейтральную стратегию общения предлагает не каждый язык, но вместе с тем даже в тех из них, которые являются крайне гендерно маркированными, мы смогли проследить, что подобные попытки предпринимаются, и тенденция к использованию гендерно нейтрального языка в проблемных коммуникативных ситуациях достаточно выражена среди трансгендеров. Тем явственнее обнаруживается, что в культурах, где язык сам по себе является в достаточной степени нейтральным, ассимиляция трансгендерных людей в обществе происходит в целом быстрее и легче. И говорящий, и его собеседник существенно реже оказываются перед необходимостью задуматься, какую идентичность обозначить, и соответственно, присвоение гендерной идентичности реже переходит из разряда речевых и психических автоматизмов в разряд решений, требующих оснований и обдумывания, выбивающихся из ряда повседневных и привычных — и, следовательно, вызывающих определенное сопротивление. Гендерно нейтральный язык тем самым одновременно и позволяет не замалчивать собственную идентичность, и не ставит перед необходимостью утверждать ее и обосновывать в каждой новой ситуации общения.

Тем самым, казалось бы, инклюзивный язык, в существенной мере получивший официальное признание и распространение именно как способ общения, нивелирующий различия между полами, представляет собой оптимальный вариант для тех, кто не может идентифицировать себя в рамках «двоичного кода» полов или же находится в стадии, когда новая идентификация вызвала бы слишком много вопросов. Единственным непроясненным условием удачной коммуникации в таком случае оставалось бы то, станет ли собеседник также придер-живаться гендерно нейтральной стратегии общения. Ввиду этого во

многих странах рекомендации по использованию инклюзивного языка уже закреплены на государственном уровне. Однако встает вопрос: если язык, в котором для обозначения и описания личности приняты лишь категории мужского и женского, все же позволяет ускользнуть из-под гнета установленных рамок — всегда ли это будет выбором в свою пользу или же грозит стать отказом от собственного «я»? Всегда ли гендерно нейтральные стратегии общения будут предоставлять шанс использовать возможности языка в свою пользу или окажутся только видимостью? Опыт самих трансгендерных людей показывает, что прежде всего попытки *говорить о себе* нейтрально далеко не всегда позволяют говорить *именно о себе*. Чтобы вскрыть неоднозначность такого выбора, хотелось бы привести фрагменты интервью, специально проведенных нами с целью выявить подводные камни, которые обнаруживают в гендерно нейтральном общении носители различных европейских языков, например, румынского и исландского.

Фрагмент 1, респондент из Румынии

— Когда я говорю о себе, то даже если я говорю открыто — например, перед друзьями — то я в действительности вообще не употребляю личных местоимений. Не использую слов, которые заставляют меня говорить о себе в определенном роде, поскольку мне некомфортно существовать с этим. Просто я не идентифицирую себя ни с одним из двух полов. Я знаю, что не могу обойтись без этого в принципе, но я не употребляю слов, которые бы на это указывали... Когда кто-то другой обращается ко мне, ему приходится определять пол, в котором он будет ко мне обращаться. Люди не смогут нормально общаться со мной, обращаясь ко мне гендерно нейтрально.

Вопрос:

В общем и целом, устраивает ли тебя языковая ситуация, в которой ты находишься?

— Нет, не устраивает, поскольку когда кто-то... Когда я иду на каминг-аут и говорю, что я трансгендер, кто-то... кто-то... Я имею в виду, кому бы я ни открылся, ему придется выбирать, нет, даже не выбирать — ему придется обращаться ко мне как к мужчине. В мужском роде. И таким образом... И мне это не нравится. Я не хочу этого. Я не хочу выбирать между обращением ко мне в мужском роде и обращением в женском роде, поскольку меня не устраивает ни один вариант. Потому что придется выбрать мужской род, а это не сделает меня счастливым. Потому что это... Мне это не нравится. Да, разумеется, должен быть какой-то выход. Мне никогда не приходилось об этом задумываться, я просто знаю, что по ощущениям — что это заставляет меня чувствовать себя, не знаю, ну, не плохо, но мне будет некомфортно от того, как люди обращаются ко мне и говорят со мной... Люди, которые знают о моей трансгендерности... Да, разумеется, я сообщаю им, чтобы они обращались ко мне в мужском роде, я делаю такой выбор, поскольку это имеет свой смысл. Это имеет значение... Да. Это показывает, что они это признают. Что они признают изменения, которые со мной происходят, и то, что я намереваюсь сделать. Но с другой стороны, это все же не совсем то, чего мне бы хотелось.

Фрагмент 2, респондент из Исландии

— Раньше я пыталась говорить гендерно нейтральным языком, просто пыталась... как бы это сказать... избегать предложений, в которых необходимо было бы использовать гендерную маркировку, но это очень осложняло общение... Я это знала, и многие мои друзья знали это, и мы как бы пытались говорить нейтрально, поскольку не все вокруг нас были в курсе, но это создавало столько проблем, потом люди начинали путаться в местоимениях из-за того, что в одном месте они могли говорить «она», а в другом — «он». Это создавало массу недопонимания. Часто создавало. И это, в

общем-то, подталкивало меня, как бы говорило мне: «Вперед, начинай переход!» — и подводило меня к тому, чтобы говорить как раз с гендерной маркировкой... Я не могла просто говорить, не употребляя гендерных маркеров и... не беспокоиться из-за этого. Это как бы ставило определение себя в рамках гендера необходимым условием для того, чтобы общаться... Я знаю некоторых людей, которые не идентифицируют себя ни как мужчину, ни как женщину, но чаще всего они все же выбирают какое-то обращение к себе с привязкой к тому гендеру, с которым им наиболее терпимо существовать, поскольку много выбора у них нет. Потому что говорить, не определяя себя в том или ином роде, в исландском языке невозможно. Так что им приходится... Обычно они выбирают то, с чем им наиболее комфортно. Но это выглядит так, будто ты вынужден идти на компромисс с самим собой: это смешно.

Вопрос:

Если пытаться говорить гендерно нейтральным языком, то не приходится ли чувствовать, что говоришь не совсем о себе?

— Именно. Это словно ты... Да, словно ты не можешь... Словно как раз ты сам и не можешь подчеркнуть, что речь идет о твоих собственных чувствах. Это будто...

Вопрос:

Будто речь идет о ситуации?

— ...да, о ситуации, именно, или будто ты говоришь как бы более абстрактно. Не говоришь в действительности о себе. И в этом тоже проблема. Я могу сказать: «Я голоден!», а могу: «Можно умереть от голода!», но это не звучит одинаково, поскольку ты не подчеркиваешь, что речь идет именно о тебе... Это совершенно однозначно вызывает чувство, что ты отделяешь себя от других людей. Отчуждаешь самого себя.

Таким образом, сами говорящие обращают наше внимание на то, что использование инклюзивного языка, с одной стороны, позволяет говорить о себе даже в тех ситуациях, где гендерно маркированные языковые единицы не могли бы отразить личности говорящего, но в то же время далеко не всегда позволяет *говорить именно о себе* и посредством языка, через общение с социумом создавать в сознании общества пространство для себя. Прежде всего, это касается таких социальных групп, как бигендеры, агендеры, гендерквир⁴, которые поставлены в такое положение с момента принятия собственной идентичности и на протяжении всей жизни. Это открывает перед нами область вопросов, которые на сегодняшний день практически не затронуты ни одной социальной наукой: поскольку гендер не есть бинарность, есть ли у человека в действительности свобода самоопределения и свобода выбора за пределами гендерно нейтральных лингвокультурных групп? Дают ли ему достаточный выбор культуры, где в картине мира существует множественность полов? И в какой степени языковая картина мира, заставляя нас выбирать между существующими в ней категориями, обуславливает в итоге наш не только языковой, но и социальный, даже экзистенциальный выбор? Надеемся, дальнейшее изучение того, насколько языковая категоризация мира, с одной стороны, умалчивает о реальном многообразии идентичности человека и исключает, таким образом, идентичности реально существующих людей из представления общества о самом себе в массовом сознании, а с другой, наоборот, толкает нас на то, чтобы утверждать идентичность в каждом речевом акте, где мы гово-

рим о себе, поможет нам пролить свет на эти и другие аспекты того, как *осуществлять* собственную идентичность в жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Wirth L. The Problem of Minority Groups // R. Linton (ed.). The Science of Man in the World Crisis. – N. Y.: Columbia University Press, 1945. P. 347.

² См.: Development and Validation of an Instrument to Measure Attitudes Toward Sexist/Nonsexist Language // J.B. Parks, M.A. Roberton (eds). Sex Roles: A Journal of Research. 2000. Vol. 42 (5 – 6).

³ Цисгендер – человек, чья гендерная идентичность совпадает с биологическим (морфологическим и хромосомным) полом.

⁴ Бигендер – человек с подвижной гендерной идентичностью и социальной ролью, чья точка идентичности попеременно локализуется в области мужского или женского самоощущения. Агендер – человек, не ощущающий своей принадлежности к определенному гендеру, часто отрицающий гендерные различия в обществе. Гендерквир – гендерная идентичность, отличная от мужской и женской и складывающаяся в рамках представления о том, что спектр гендерной идентичности не ограничивается двумя указанными противопоставлениями; полоролевое поведение во многом характеризуется намеренным разрушением сложившихся в обществе гендерных стереотипов.

Аннотация

В современном обществе все более заметно, как человеку, вынужденному выбирать между категориями мужского и женского, не вписываясь до конца ни в одну из них, приходится выходить за рамки общепринятой модели, поставив под вопрос картину мира того социума, в котором он существует. Учитывая, как тесно связана в сознании человека последняя с лингвистическим инструментарием, обеспечивающим ее воспроизведение, в зависимости от лингвокультурной среды найти подходящие слова, чтобы заявить о своей идентичности, затруднительно, подчас невозможно, или же они долгое время остаются на уровне новояза. Но даже если язык все же позволяет ускользнуть из-под гнета установленных рамок, всегда ли это будет выбором в свою пользу?

Ключевые слова: гендерная идентичность, язык, трансгендерность, гетеронормативность, дефектное общение.

Summary

It becomes increasingly noticeable in the modern society how people not fitting the categories of male and female are forced to choose between the two and have to go beyond the framework of the generally accepted model questioning the worldview of the society they exist in. Taking into account how closely connected this view is with the linguistic instruments providing its reproduction, it is difficult and sometimes impossible for them to find the right words, which sometimes stay on the level of newspeak for a long time, to declare their identity depending on the linguo-cultural environment. But even if the language allows to escape the pressure of the framework set, will it always be the choice made in one's own favor?

Keywords: gender identity, language, transgender, heteronormativity, defective communication.